

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В это позднее весеннее утро события в жизни Фрэнсиса Моргана развивались очень быстро. Если когда-либо человеку суждено было, переместившись во времени, стать участником жестокой, кровавой драмы, а точнее, трагедии бесхитростных душ, и одновременно свидетелем средневековой мелодрамы, насыщенной сентиментальностью и бурными страстями, свойственными обитателям Латинского Нового Света, то этим человеком Судьба предназначила быть Фрэнсису Моргану, и притом весьма скоро.

Однако сам Фрэнсис Морган пребывал в ленивом неведении относительно того, что в мире что-то для него готовится, и едва ли был готов встретить надвигающиеся события. Поздно засидевшись за бриджем, он поздно начинал свой день. За поздним пробуждением последовал поздний завтрак из фруктов и каши; покончив с ним, Фрэнсис направился в библиотеку — строго, со вкусом обставленную комнату, откуда его отец в последние годы жизни руководил своими обширными и многообразными делами.

— Паркер, — обратился Фрэнсис к камердинеру, который служил еще его отцу, — ты не замечал признаков ожирения у Р. Г. М. в последние годы его жизни?

— О нет, сэр, — отвечал тот со всей почтительностью хорошо вышколенного слуги, но невольно бросая

беглый оценивающий взгляд на великолепную фигуру молодого человека. — Ваш батюшка, сэр, всегда отличался стройностью. Фигура у него никогда не менялась; он был широкоплечий, с могучей грудью, и хоть широковат в кости, но талия, сэр, у него была тонкая, всегда тонкая. Когда его обмыли, сэр, и положили на стол, многие молодые люди в нашем городе могли бы устыдиться своей фигуры. Он всегда тщательно следил за собой, сэр, — я имею в виду все эти упражнения, которые он делал в постели, полчаса каждое утро. Ничто не могло заставить его отступить. Он называл это своим культом.

— Да, фигура у отца была редкостная, — рассеянно произнес молодой человек, глядя на биржевой телеграф и несколько телефонных аппаратов, установленных еще его отцом.

— Совершенно верно, — убежденно подтвердил Паркер. — Ваш батюшка был строен, как аристократ, несмотря на широкую кость, могучие плечи и грудь. И вы это унаследовали, сэр; только вы еще лучше.

Молодой Фрэнсис Морган, унаследовавший от своего отца не только статную фигуру, но и немало миллионов, безмятежно развалился в широком кожаном кресле и вытянул ноги, совсем как могучий лев в клетке, не знающий, куда девать свои силы. Развернув утреннюю газету, он остановился взглядом на заголовке, извещавшем о новом оползне на Кьюлебрском участке Панамского канала.

— Хорошо, что мы, Морганы, не склонны к полноте, — позевывая, произнес он, — не то ведь я мог бы и растолстеть от такой жизни... Правда, Паркер?

Престарелый камердинер, не расслышав, смущенно посмотрел на своего хозяина.

— О да, сэр, — поспешно сказал он. — То есть я хочу сказать: нет, сэр. Вы сейчас в наилучшей форме.

— Ничего подобного, — убежденно заявил молодой человек. — Я, возможно, и не разжирел, но безусловно пообмяк... А, Паркер?

— Да, сэр... То есть нет, сэр, — я хотел сказать: нет, сэр. Вы все такой же, каким вернулись из колледжа три года назад.

— И решил, что безделье — мое призвание, — рассмеялся Фрэнсис. — Паркер!

Паркер почтительно вытянулся. Однако хозяин его уже погрузился в глубокое раздумье, словно решал проблему первостепенной важности, а рука его то и дело принималась теребить топорщившиеся маленькие усики, которые он с некоторых пор стал отращивать.

— Паркер, я намерен съездить на рыбную ловлю.

— Да, сэр.

— Я выписал несколько складных удочек. Пожалуйста, составь их и принеси сюда, я хочу их осмотреть. Мне думается, что уехать недельки на две куда-нибудь в лес — самое для меня полезное. Если я этого не сделаю, то, несомненно, начну толстеть и опозорю весь наш род. Ты ведь слышал про сэра Генри? Старого оригинала сэра Генри, пирата и головореза?

— Да, сэр. Я читал о нем, сэр.

Паркер уже стоял в дверях и только ждал той минуты, когда словоохотливость молодого хозяина иссякнет, чтобы отправиться по его поручению.

— Да, гордиться тут нечем — подумаешь, старый пират!

— О нет, сэр, — запротестовал Паркер. — Он ведь был губернатором на Ямайке и умер в почете.

— Счастье еще, что его не повесили, — расхохотался Фрэнсис. — В сущности говоря, только он один и позорит наш род, который сам же основал. Но я вот что хотел сказать: я очень тщательно просмотрел все,

что его касается. Он весьма заботился о своей фигуре и, слава богу, до самой смерти сохранил тонкую талию. В этом отношении он оставил нам хорошее наследство. А вот сокровища его мы, Моргань, так и не нашли; впрочем, тонкая талия, которую он нам завещал, дороже всех рубинов. Родовая черта, если говорить языком биологов, которому научили меня профессора.

Наступила долгожданная пауза, и Паркер осторожно выскользнул из комнаты, а Фрэнсис Морган погрузился в изучение газетной статьи о Панаме, из которой он выяснил, что канал будет открыт для судоходства, по-видимому, не раньше чем через три недели.

Зазвонил телефон, и с помощью электрических нервов современной высокой цивилизации Судьба сделала первую попытку протянуть свои щупальца и добраться до Фрэнсиса Моргана, который сидел в эту минуту в библиотеке особняка, выстроенного его отцом на Риверсайд-драйв.

— Но, дорогая миссис Каррузерс, — запротестовал он в трубку. — Что бы там ни было, это просто временный ажиотаж. «Тэмпико петролеум» в полном порядке. Это не спекулятивные бумаги, а вполне надежное помещение капитала. Держите их. Держите крепко... Все дело, наверно, в том, что какой-нибудь фермер из Миннесоты приехал в Нью-Йорк и решил купить пакета два акций просто потому, что они кажутся ему солидными, а так оно и есть... Ну и что тут такого, что они поднялись на два пункта? Все равно не продавайте. «Тэмпико петролеум» — это вам не лотерея и не рулетка. Это — крепкое промышленное предприятие. Мне бы, например, очень хотелось, чтобы оно было не таким грандиозным, — я бы тогда мог финансировать его один... Да нет, выслушайте меня: совсем это не мыльный пузырь! Мы сейчас одних цистерн заказали

больше чем на миллион долларов. Наша железная дорога и три нефтепровода стоят свыше пяти миллионов. Да одни только действующие нефтескважины дадут нам нефти на сто миллионов долларов, так что сейчас главная наша задача — доставить ее к морю на танкеры. Теперь самое время для вложения капитала. Пройдет год-другой, и государственные бумаги по сравнению с вашими акциями покажутся сущей чепухой...

...Да-да, пожалуйста. Не обращайтесь внимания на биржевой рынок. И потом — я вовсе не советовал вам приобретать эти акции. Я никогда не давал своим друзьям таких советов. Но уж раз вы приобрели эти акции, то держитесь за них. «Тэмпико» такое же солидное предприятие, как Английский банк... Да, мы с Дикки поделили вчера вечером трофеи. Подобралась великолепная компания. Хотя Дикки, надо сказать, чересчур горяч для бриджа... Да, везло, как игроку на бирже... Ха-ха! Я горяч? Ха-ха!.. Да?.. Скажите Гарри, что я отбываю недели на две... Поеду форель удить... Весна, знаете ли, ручейки журчат, на деревьях сок выступил, распускаются почки, зацветают цветы и тому подобное... Да, всего наилучшего. И держитесь обеими руками за «Тэмпико петролеум». Если они немножко упадут, после того как этот миннесотский фермер кончит играть на повышение, прикупите еще. Я тоже собираюсь так сделать. Это все равно что найти деньги... Да... Да, конечно... Слишком это крепкие бумаги, чтобы вот так — ни с того ни с сего — взять и продать их: ведь они, может, никогда больше не понизятся... Ну, конечно, я знаю, что говорю. Я проспал сегодня восемь часов и еще не выпил ни капли... Да, да... До свидания.

Не поднимаясь с кресла, Фрэнсис потянул к себе ленту биржевого телетайпа и лениво пробежал ее

глазами; то, что в ней сообщалось, не вызвало у него особого интереса.

Вернулся Паркер, неся несколько тоненьких удочек; каждая из них по своей полировке и отделке была вершиной искусства и мастерства. Фрэнсис мигом вскочил с кресла, отбросил в сторону телеграфную ленту, про которую тут же забыл, и, точно мальчишка, с радостью и восторгом принялся осматривать игрушки и пробовать их одну за другой: он то взмахивал удочками так, что леска со свистом, похожим на удар хлыста, разрезала воздух, то осторожно, рассчитанным движением, закидывал ее под высокий потолок, как если бы там, на другом конце комнаты, находился невидимый пруд, в котором таинственно поблескивала форель.

Зазвонил телефон. Лицо Фрэнсиса перекопилось от раздражения.

— Ради бога, поговори ты, Паркер, — приказал он. — Если это опять какая-нибудь дура, играющая на бирже, скажи, что я умер, или пьян, или лежу в тифу, или женюсь, — словом, придумай что-нибудь пострашнее.

После непродолжительных переговоров, проведенных в спокойном, вежливом тоне, так подходившем к величественному стилю этой холодной, чинной комнаты, Паркер произнес в трубку: «Одну минуту, сэр» — и, прикрыв ее рукой, сказал:

— Это мистер Бэском, сэр. Он просит вас.

— Скажи мистеру Бэскому, чтобы он убирался к черту, — отозвался Фрэнсис, замахнувшись так, будто хотел невесть куда забросить удочку; и в самом деле, опиши леска кривую, начертанную его зачарованным взглядом, она вылетела бы в окно и, по всей вероятности, до смерти перепугала бы садовника, который, стоя на коленях, пересаживал розовый куст.

— Мистер Бэском говорит, что это насчет положения на бирже, сэр, и что он задержит вас не более пяти минут, — настаивал Паркер, но так деликатно и мягко, словно передавал какое-то совсем несущественное, пустяковое поручение.

— Хорошо. — Фрэнсис осторожно прислонил удочку к столу и взял трубку. — Алло, — сказал он в аппарат. — Да, это я, Морган. Ну, валяйте. Что там такое?

Он с минуту послушал, потом раздраженно перебил говорившего:

— Продавать? Черта с два! Ни в коем случае... Конечно, я рад это слышать. Но даже если акции поднимутся на десять пунктов — чего, конечно, не случится, — все равно держите их. Весьма возможно, что это закономерное повышение и они уже больше не упадут. Эти акции — штука солидная. Они стоят куда больше, чем котируются. Вообще этого могут и не знать, но я-то знаю. Через год они до двухсот дойдут, — конечно, если в Мексике прекратятся эти вечные революции... А вот если акции упадут, вы получите от меня приказ покупать... Ерунда. Кто это хочет приобрести контрольный пакет? Да нет же, это чисто спорадическое явление... Что? Прошу прощения. Я хотел сказать: чисто временное. Так вот что: я уезжаю недели на две удить рыбу. Если акции упадут на пять пунктов — покупайте. Покупайте все, что будут предлагать. М-да, когда у человека на руках солидное предприятие и начинается игра на повышение его акций, это почти так же опасно, как игра на понижение... Да... Конечно... Да... До свидания.

Фрэнсис с восторгом снова занялся своими удочками, а тем временем на другом конце города, в кабинете Томаса Ригана, уже неумоимо трудилась Судьба. Томас Риган отдал своей армии маклеров приказ

скупать акции «Тэмпико петролеум», пустил через посредство многообразных каналов таинственный слухок, будто у «Тэмпико петролеум» какие-то осложнения с мексиканским правительством по поводу концессии, и погрузился в чтение отчета своего эксперта по нефти, который целых два месяца провел на месте, выясняя подлинные перспективы и возможности этой компании.

Вошел клерк, подал визитную карточку и доложил, что какой-то иностранец просит принять его. Риган взглянул на карточку.

— Передайте этому мистеру, сеньору Альваресу Торресу, — сказал он, — что я не могу его принять.

Через пять минут клерк вернулся с той же карточкой, но теперь на обратной ее стороне было что-то нацарапано карандашом. Риган так и расплылся в улыбке, прочитав:

«Дорогой и многоуважаемый мистер Риган. Имею честь сообщить Вам, сэр, что мне известно местонахождение клада, который, еще в бытность свою пиратом, спрятал сэр Генри Морган.

Альварес Торрес».

Риган покачал головой; клерк был уже у двери, когда хозяин вдруг окликнул его:

— Пусть войдет, немедленно.

Оставшись один, Риган беззвучно рассмеялся, обмозговывая пришедшую ему в голову идею.

— Молокосос! Щенок! — бурчал он сквозь облако дыма, раскуривая сигару. — Воображает себя львом, точно он сам старик Р. Г. М. Хорошая порка — вот что ему нужно, и старый стреляный воробей Риган уж позаботится об этом.

Английский язык сеньора Альвареса Торреса был столь же безукоризнен, как и его модный весенний кос-

тум; и хотя смуглая кожа выдавала его латиноамериканское происхождение, а блеск черных глаз достаточно красноречиво говорил о том, что в этом человеке течет давняя смесь испанской и индейской крови, он казался настолько типичным ньюйоркцем, что Томас Риган большего и желать бы не мог.

— После многих лет упорного труда и поисков, — начал Торрес, — я наконец догадался, где спрятан клад сэра Генри Моргана. Я уверен, что он зарыт на Москитовом Берегу. Скажу точнее: до него не больше тысячи миль от лагуны Чирикви, а ближайший к нему город, судя по всему, — Бокас-дель-Торо. Я там родился, хотя образование получил в Париже; знаю местность как свои пять пальцев. Для такой экспедиции достаточно было бы маленькой шхуны. Ведь снарядить ее недорого обойдется, совсем недорого, зато какая будет прибыль: в награду целое сокровище.

Сеньор Торрес умолк: ему не хватало слов, чтобы выразиться определеннее, но Томас Риган, крутой и жесткий человек, привыкший иметь дело с людьми такого же склада, как и он сам, начал вытягивать из него сведения, точно адвокат, ведущий перекрестный допрос.

— Да, — тотчас признался сеньор Торрес, — в настоящее время я несколько стеснен... как бы это сказать?.. — в средствах.

— Вам нужны деньги, — грубо уточнил биржевик, и тот с горестным видом поклонился.

И еще многое другое вынужден был признать Альварес Торрес под беглым огнем допроса. Да, он лишь недавно покинул Бокас-дель-Торо и надеется, что никогда больше туда не вернется. Тем не менее он готов вернуться, если они придут сейчас к какому-то соглашению...

Но Риган остановил его властным жестом человека, привыкшего повелевать простыми смертными: он взял чековую книжку и выписал чек на имя Альвареса Торреса. Когда тот взглянул на бумажку, то увидел, что там проставлена сумма в тысячу долларов.

— Так вот к чему сводится моя идея, — сказал Риган. — Я лично ничуть не верю вашим рассказам. Но у меня есть один юный друг. Я очень люблю этого мальчика, и меня огорчает, что его слишком затягивают соблазны большого города — Бродвей с его красотками и тому подобное, — ну, вы понимаете.

Сеньор Альварес Торрес поклонился, как светский человек, разговаривающий со светским человеком.

— Так вот, ради его здоровья, а также спасения не только его души, но и состояния самое лучшее, что можно было бы придумать, — это путешествие за сокровищем, полное приключений, требующее физического напряжения, и... словом, я убежден, что вы меня понимаете.

Альварес Торрес снова поклонился.

— Вам нужны деньги, — продолжал Риган. — Постарайтесь заинтересовать его. Эта тысяча вам за труды. Заинтересуйте его так, чтобы он отправился разыскивать золото старика Моргана, — и еще две тысячи ваши. Если сумеете заинтересовать его настолько, что он пробудет в отлучке три месяца, — я добавлю вам еще две тысячи, а если полгода — то пять тысяч. Можете мне поверить: я хорошо знал его отца, мы с ним были товарищами, компаньонами, я... я могу даже сказать: почти братьями. Я готов пожертвовать любой суммой, чтобы наставить сына моего друга на правильный путь и сделать из него человека. Что вы на это скажете? Для начала вот вам тысяча. Идет?

Сеньор Альварес Торрес дрожащими пальцами свертывал и развертывал чек.

— Я... я согласен, — с запинкой произнес Торрес и даже начал заикаться от волнения. — Я... я... как бы это сказать?.. Я весь в вашем распоряжении.

За пять минут Торресу были даны все инструкции относительно той роли, которую ему предстояло играть, а его рассказ о кладе Моргана был несколько видоизменен для большей правдоподобности хитрым, практичным биржевиком; после этого испанец поднялся и, прежде чем откланяться, заметил шутливо, но не без грусти:

— Самое забавное, мистер Риган, что все это чистойшей правдой. Изменения, которые вы внесли в мою историю, делают ее более правдоподобной, но она правдива и без них. Мне нужны деньги. Вы очень щедры, и я буду стараться изо всех сил... Я... я горжусь тем, что обладаю даром артиста. И все-таки клянусь: я действительно разгадал, где спрятаны сокровища, которые награбил и зарыл Морган. Я имел доступ к документам, недоступным для широкой публики; да и все равно, едва ли кому-либо удалось бы в них разобраться. Эти документы хранятся в нашей семье, и многие мои предки трудились над ними всю жизнь, но так и не нашли разгадки. Однако они были на правильном пути — им только не хватало смекалки: они ошибались на двадцать миль. А ведь место точно указано в документах. Они ошибались, мне кажется, потому, что там нарочно все было зашифровано, запутано, написано в виде ребуса; и только я, один я сумел понять это и разгадать. Все мореплаватели былых времен прибегали к таким трюкам, когда чертили свои карты. Мои испанские предки подобным образом скрыли Гавайские острова, переместив их в сторону на целых пять градусов долготы.

Для Томаса Ригана все это было китайской грамотой; он слушал Торреса с терпеливой улыбкой, явно

говорившей: «Вот заставляют занятого человека отрываться от дел и выслушивать какие-то небылицы».

Не успел сеньор Торрес откланяться, как в кабинет вошел Фрэнсис Морган.

— Решил на минутку забежать к вам за советом, — сказал он после обычного обмена приветствиями. — Да и к кому же мне обращаться, как не к вам, — ведь вы столько лет работали с моим отцом. Насколько мне известно, вы были его компаньоном в крупнейших сделках. Он всегда советовал мне доверять вашим суждениям. Ну, вот я и пришел. Прежде всего скажите, что происходит с «Тэмпико петролеум»? Дело в том, что я хочу уехать на рыбную ловлю.

— Что происходит с «Тэмпико петролеум»? — вопросом на вопрос ответил Риган, ловко разыгрывая полное неведение, хотя он один был во всем повинен.

Фрэнсис кивнул и, опустившись в кресло, закурил сигарету, а Риган стал просматривать ленту биржевого телеграфа.

— Акции «Тэмпико петролеум» поднялись... на два пункта... А тебя, собственно, что беспокоит? — спросил он.

— Да ничего, — ответил Фрэнсис. — Ровно ничего. Но не думаете ли вы, что некая группа хочет прибрать «Тэмпико» к рукам, — ведь потенциальная ценность предприятия колоссальна. Это, как вы понимаете, между нами; то есть я хочу сказать: совершенно конфиденциально.

Риган кивнул.

— Предприятие огромное, — продолжал Фрэнсис. — В полном порядке. Солидное во всех отношениях. Без обмана. И вдруг такой скачок! Не кажется ли вам, что какое-то лицо или группа лиц хочет завладеть контрольным пакетом акций?

Компаньон его отца тряхнул своей седою копной, однако в голове, покрытой этими благородными сединами, таились далеко не благородные мысли.

— Ну что ты, — заметил он, — скорей всего, это просто случайный скачок. А может быть, публика, играющая на бирже, заподозрила, что акции «Тэмпико петролеум» — штука в самом деле стоящая. Ты-то сам как считаешь?

— Конечно стоящая, — горячо ответил Фрэнсис. — Я получил такие приятные вести, Риган, что вы ахнете от удивления. Я всем моим друзьям говорю, что это дело солидное, без обмана. До чертиков обидно, что мне пришлось привлечь посторонний капитал. Но предприятие оказалось настолько крупным, что я просто вынужден был это сделать. Даже если бы я вложил все деньги, которые оставил мне отец, — я имею в виду свободный капитал, а не то, что уже вложено в другие предприятия, иными словами, наличность, — все равно мне одному не поднять этого.

— У тебя что, туго со средствами? — спросил старик Риган.

— О, у меня есть кругленькая сумма, которой я могу оперировать, — беспечно отвечал молодой человек.

— Ты хочешь сказать...

— Конечно. Вот именно. Если акции «Тэмпико» упадут, я буду покупать. Ведь это все равно что найти деньги!

— На сколько же ты намерен покупать? — спросил Риган, пытаясь прощупать своего гостя, но скрывая свою заинтересованность под личиной добродушия и одобрения.

— На все, что у меня есть, — не задумываясь, ответил Фрэнсис Морган. — Я же говорю вам, Риган: это колоссальное дело!

— Я не интересовался по-настоящему этим предприятием и не могу сказать, чего оно стоит, Фрэнсис, но из тех немногих фактов, которые мне известны, оно представляется вполне солидным.

— Представляется! Говорю вам, Риган, что это золотое дно, без всякого обмана; и мне стыдно, что акции его пришлось выпустить на биржу. Но зато на них уж никто не разорится. Я только окажу услугу миру, выбросив на рынок... даже не могу сейчас точно сказать, сколько сотен миллионов баррелей отличной нефти... Да вы знаете, что у меня есть скважина на Хуастекских разработках, которая вот уже семь месяцев дает по двадцать семь тысяч баррелей в день. И фонтан еще не иссяк. Но это капля в море по сравнению с тем, что мы способны поставить на рынок. У этой нефти удельный вес двадцать два, а осадка в ней меньше двух десятых процента. Потом есть еще один фонтан — к нему надо только проложить миль шестьдесят нефтепровода, — который выбрасывает около семидесяти тысяч баррелей в день и, несмотря на принятые меры, буквально заливает нефтью всю окрестность. Это я сообщаю вам, конечно, по секрету, сами понимаете. Дела у нас идут неплохо, и я вовсе не хочу, чтобы акции «Тэмпико петролеум» подскочили до небес.

— Можешь не беспокоиться об этом, сынок. Еще надо, чтобы нефть потекла по нефтепроводам и чтобы в Мексике прекратились революции, — только тогда акции «Тэмпико» могут взлететь вверх. А пока поезжай удить рыбу и забудь об этом. — Риган помолчал, потом, притворившись, будто вдруг что-то вспомнил, взял со стола визитную карточку Альвареса Торреса, на которой карандашом была нацарапана записка. — Взгляни, кто у меня только что был. — Риган помолчал, словно обдумывая внезапно пришедшую в голову мысль. — Ну зачем тебе ехать удить какую-то форель?

Ведь это, в конце концов, пустое развлечение. А вот тут есть для тебя улов поинтереснее — это развлечение настоящее, достойное мужчины, не то что дача в Адирондакских горах наподобие персидского дворца, где есть и мороженое, и слуги, и электрические звонки. Твой отец всегда немало гордился этим пиратом, от которого пошел весь ваш род. Он утверждал, что похож на него, ну а ты, безусловно, похож на своего папашу.

— На сэра Генри, — с улыбкой заметил Фрэнсис, протягивая руку за карточкой. — А я ведь тоже немало горжусь этим старым бандитом!

Прочитав каракули, нацарапанные на визитной карточке, он вопросительно взглянул на Ригана.

— История, которую рассказал мне этот парень, звучит вполне правдоподобно, — пояснил Риган. — Он говорит, что родился на этом самом Москитовом Берегу и узнал про клад из документов, хранящихся у них в семье. Но я, конечно, не верю ни единому слову из всего этого. У меня нет ни времени, ни желания интересоваться тем, что не имеет никакого отношения к моим делам.

— Любопытно, что сэр Генри умер почти бедняком, — заметил Фрэнсис; брови его сдвинулись, и между ними прорезались упрямые моргановские складки, — а спрятанный им клад так никто и не нашел.

— Ну что ж, желаю удачи в рыбной ловле, — добродушно усмехнулся Риган.

— А все-таки мне бы хотелось повидать этого Альвареса Торреса, — заявил молодой человек.

— Все это пустые бредни насчет зарытого золота, — продолжал Риган. — Хотя, должен признаться, история, которую рассказал мне этот парень, звучит на редкость правдоподобно. М-да, будь я помоложе... но мне, видно, всю жизнь суждено просидеть здесь.

— Вы не знаете, где бы я мог найти его? — уже через минуту спрашивал Фрэнсис, доверчиво всовывая шею в петлю, которую Судьба в образе Томаса Ригана приготовила, чтобы поймать его.

Свидание состоялось на следующее утро, в кабинете Ригана. При виде Фрэнсиса сеньор Альварес Торрес вздрогнул, но тут же взял себя в руки. Это не ускользнуло от Ригана, который спросил с усмешкой:

— Совсем точно старый пират собственной персоной, а?

— Да, сходство поразительное, — солгал или почти солгал Торрес, ибо хотя он и заметил сходство Фрэнсиса с портретами сэра Генри Моргана, но в то же время перед его мысленным взором предстал образ другого, живого человека, который был похож и на Фрэнсиса, и на сэра Генри в такой же мере, в какой они оба походили друг на друга.

Фрэнсис был молод, а молодость не знает преград. Тотчас были вытащены современные атласы и старинные географические карты, равно как и документы, написанные выцветшими чернилами на пожелтевшей от времени бумаге, — и не прошло и получаса, как Фрэнсис объявил, что отныне признает рыбную ловлю только на Быке или на Тельце, то есть на одном из двух островков в лагуне Чирикви, где, по уверению Торреса, должен находиться зарытый клад.

— Сегодня же вечером выезжаю поездом в Новый Орлеан, — объявил Фрэнсис. — Тогда я как раз успею попасть на один из пароходов «Юнайтед фрут компани», который отправляется в Колон. О, я уже все выяснил вчера, прежде чем лечь спать.

— Только не фрахуйте шхуны в Колоне, — посоветовал Торрес. — Поезжайте верхом до Белена. Там

лучше всего фрахтовать судно: и матросы проще — туземцы, да и всякие формальности тоже.

— Пожалуй, это разумно! — согласился Фрэнсис. — Мне давно хотелось посмотреть тамошние края. А вы поспеете к этому поезду, сеньор Торрес?.. Вы, конечно, понимаете, что я беру на себя обязанности казначея и оплату всех расходов.

Но, поймав взгляд Ригана, Альварес Торрес мигом сообразил, что от него требуется, и принялся вдохновенно лгать:

— К сожалению, мистер Морган, я вынужден задержаться и присоединюсь к вам позже. У меня тут одно неотложное дельце... как бы это сказать?.. небольшой судебный процесс, который мне надо довести до конца. Сумма иска, правда, незначительная, но тут затронуты интересы семьи, и потому это дело для меня чрезвычайно важное. У нас, Торресов, есть своя гордость. Я знаю, вам, американцам, это кажется смешным, но для нас — вещь очень серьезная.

— Он потом присоединится к тебе и поможет, если ты собьешься со следа, — заверил Фрэнсиса Риган. — Кстати, пока вы не забыли, не мешало бы вам заранее договориться о разделе добычи... если вы, конечно, когда-нибудь найдете этот клад.

— Слово за вами. Что вы скажете? — спросил Фрэнсис.

— Разделите поровну. Точно пополам, — предложил Риган, великодушно деля между ними то, чего, по его убеждению, вовсе не существовало.

— И вы сразу же приедете, как только сумеете, да? — спросил Фрэнсис Торреса. — Послушайте, Риган, займитесь-ка его иском и уладьте все побыстрее. Ладно?

— Непременно, мой мальчик, — был ответ. — А если ему потребуются деньги? Дать?

— Безусловно! — Фрэнсис крепко пожал обоим руки. — Это избавит меня от лишних хлопот. Ну а сейчас я бегу: надо уложиться, отменить все назначенные свидания и успеть на поезд. Всего хорошего, Риган. До скорой встречи, сеньор Торрес, где-нибудь возле Бокас-дель-Торо или в какой-нибудь яме на Быке или Тельце. Так, по-вашему, клад на Тельце? Ну, в общем, до встречи. Adios!¹

А сеньор Альварес Торрес остался еще на некоторое время у Ригана и получил подробнейшие инструкции о той роли, которую ему предстояло играть, с самого начала пути и на всем его протяжении всячески задерживая и затягивая экспедицию Фрэнсиса.

— Короче говоря, — заключил Риган, — я не буду очень горевать, если в интересах своего здоровья он останется там надолго, и плакать не буду, если не вернется вообще.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Деньги, как и молодость, не знают преград, и Фрэнсис Морган, законный и естественный обладатель и молодости, и денег, в одно прекрасное утро, через три недели после того, как он распрощался с Риганом, оказался на борту зафрахтованной им шхуны «Анджелика», попавшей неподалеку от берега в полосу штиля. Вода была точно стекло, шхуну еле покачивало, и Фрэнсис Морган, томясь от скуки и избытка энергии, которая, так же как молодость, не знает преград, попросил метиса-капитана, сына ямайского негра и индианки, спустить за борт маленький ялик.

— Похоже, что здесь можно подстрелить попугая, или обезьяну, или что-нибудь в этом роде, — заметил

¹ До свидания (*исп.*).

Фрэнсис, разглядывая в мощный цейсовский бинокль берег, поросший непроходимым лесом, в полумиле от них.

— Скорей всего, сэр, вы наткнетесь на лабарри, местную ядовитую змею, укус которой смертелен, — усмехнулся капитан и владелец «Анджелики», унаследовавший от своего отца-ямайца способность к языкам.

Но Фрэнсиса уже невозможно было удержать: в эту самую минуту он увидел в бинокль сперва белую асьенду вдаль, а затем фигуру женщины в белом на берегу; он даже заметил, что женщина тоже рассматривает в бинокль его самого и шхуну.

— Спустите ялик, капитан, — приказал он. — Кто там живет? Белые?

— Семейство Энрико Солано, сэр, — был ответ. — Это родовитые испанские аристократы, уж поверьте моему слову. Им принадлежит вся эта местность, от моря до Кордильер, а также половина лагуны Чирик-ви. Земли у них много, а вот денег — мало. Гордецы страшные, ну и вспыльчивые, как порох.

Когда Фрэнсис в крошечном ялике отплыл к берегу, зоркий глаз капитана подметил, что он не взял с собой ни ружья, ни дробовика для предполагаемой охоты на попугаев или обезьян. А еще глаз капитана уловил фигуру женщины в белом, выделяющуюся на темном фоне джунглей.

Фрэнсис греб прямо к берегу, покрытому белым коралловым песком, не решаясь оглянуться через плечо и посмотреть, там ли еще эта женщина или уже исчезла. В его помыслах не было ничего дурного — лишь вполне естественное для молодого человека желание познакомиться с молодой сельской жительницей, вероятно полудикаркой, а в лучшем случае — наивной провинциалочкой, с которой можно будет поболтать

и подурачиться, пока штиль сковывает «Анджелику». Когда дно ялика зашуршало по песку, Фрэнсис выпрыгнул из лодки, сильной рукой приподнял ее нос, вытащил на берег и только после этого обернулся. Вокруг не было ни души. Фрэнсис доверчиво пошел вперед. «Любой путешественник, попав на незнакомый берег, имеет право поискать местных жителей, чтобы узнать дорогу», — сказал он себе.

И Фрэнсис, рассчитывавший лишь на мимолетное развлечение, получил столько развлечений и таких, о каких мечтать не мог. Из-за зеленой стены джунглей, точно фея из волшебной шкатулки, внезапно выскочила уже виденная им молодая женщина и обеими руками схватила его за руку. Одного взгляда на нее было достаточно, чтобы понять, что это девушка, вполне созревшая и оформившаяся. Фрэнсиса удивили сила и нежность, с какими она сжала его руку. Свободной рукой он сорвал с головы шляпу и поклонился незнакомке с невозмутимостью Моргана, воспитанного в Нью-Йорке и привыкшего ничему не удивляться, — и был удивлен, да еще как! Причем потрясла его не только красота девушки, но и взгляд, каким она в упор смотрела на него, — суровый и непреклонный. Ему даже показалось, будто он уже где-то встречался с нею. Он что-то не замечал, чтобы незнакомые люди так смотрели друг на друга.

Девушка обеими руками потянула его за руку и взволнованно прошептала:

— Скорей! Следуйте за мной!

С минуту он колебался. Тогда она нетерпеливо дернула его, увлекая за собой. Решив, что это какая-то странная игра, принятая, вероятно, на побережье Центральной Америки, он с улыбкой уступил — и уже сам не знал, добровольно ли следует за нею, или она силой тащит его в джунгли.

— Делайте то же, что и я, — бросила она ему через плечо, держа его теперь только одной рукой.

Он повинился с улыбкой: он полз, когда ползла она, сгибался в три погибели, когда она сгибалась, и то и дело сравнивал себя с Джоном Смитом и Покахонтасом.

Внезапно девушка остановилась и села на землю, жестом приказав Фрэнсису сесть рядом; теперь она отпустила своего пленника и прижала руку к сердцу.

— Слава богу! — с трудом переводя дух, произнесла она. — О милосердная Дева Мария!

Подражая ей — такова была ее воля и таковы были, по-видимому, правила игры, — он с улыбкой тоже прижал руку к сердцу, хоть и не обратился при этом ни к Богу, ни к Деве Марии.

— Неужели вы никогда не научитесь быть серьезным? — гневно сверкнув глазами, напустилась на него девушка.

Фрэнсис тотчас принял самый серьезный и естественный вид.

— Милая моя леди... — начал было он.

Но она резким жестом оборвала его. С возрастающим удивлением Фрэнсис увидел, как она наклонилась и стала прислушиваться, а потом и сам услышал шаги людей, спускавшихся по тропинке неподалеку от них.

Повелительно положив свою мягкую теплую ладонь на его руку и как бы приказывая ему молчать, девушка порывисто поднялась — Фрэнсис уже пришел к выводу, что эта порывистость у нее в натуре, — и побежала вниз по дорожке. Он чуть не свистнул от изумления. Да он бы и свистнул, если бы не услышал невдалеке ее голоса: она резко спрашивала что-то по-испански, а мужские голоса хотя и почтительно, но возражали ей.

Затем Фрэнсис услышал, как они пошли дальше, продолжая разговаривать. Минут на пять воцарилась мертвая тишина; потом до Фрэнсиса снова донесся голос девушки: она приказывала ему выйти из засады.

«Ну и ну! Интересно, как бы вел себя Риган в таких условиях?» — с усмешкой подумал он, вылезая из кустов.

Он шел за ней следом — теперь она уже не держала его за руку — через джунгли к морю. Когда она остановилась, он подошел почти вплотную и стал перед нею, все еще считая, что это игра.

— Запятнал! — рассмеялся он, дотрагиваясь до ее плеча. — Запятнал! — повторил он. — Теперь вам ловить!

Ее черные глаза сверкнули испепеляющей яростью.

— Глупец! — воскликнула она и, подняв руку, ткнула пальцем — как ему показалось, с излишней фамильярностью — в его усики. — Неужели вы думаете, что это делает вас неузнаваемым?

— Но, милая моя леди... — начал было он, намереваясь объяснить девушке, что, безусловно, видит ее впервые.

Однако то, что последовало, заставило его прикусить язык и было столь же неожиданно, как и все, что девушка делала до сих пор. Это случилось так молниеносно, что он даже не заметил, откуда был извлечен крошечный серебряный револьвер, дуло которого было не только направлено на него, но вплотную прижато к его животу.

— Милая моя леди... — снова попытался начать он.

— Я не желаю разговаривать с вами, — перебила она его. — Отправляйтесь на свою шхуну и уезжайте... — Фрэнсису показалось, что она подавила рыдание. И лишь после паузы она добавила: — Навсегда.

Он снова открыл было рот, но, почувствовав резкий толчок револьвером под ложечку, так ничего и не сказал.

— Если вы еще когда-нибудь вернетесь — да простит мне Мадонна! — я застрелю вас.

— В таком случае мне, пожалуй, лучше убраться отсюда, — шутливо бросил он и, повернувшись, зашагал к ялику; ему было и стыдно и смешно при мысли о том, в какое nepocтижимо нелепое положение он попал.

Он пытался сохранить последние остатки достоинства и делал вид, будто не замечает, что незнакомка идет за ним. Вытягивая из песка нос ялика, он подметил, что легкий ветерок зашелестел листьями пальм. От налетевшего с суши бриза море у берега стало темнеть; потемнело оно и там, у выхода из еще гладкой, как зеркало, лагуны Чирикви, где на горизонте вставали, точно мираж, далекие очертания рифов.

Фрэнсис уже занес ногу, чтобы сесть в ялик, как вдруг услышал рыдание, заставившее его остановиться и повернуть голову. Странная девушка стояла, опустив револьвер, и плакала. В один миг Фрэнсис очутился рядом с ней и участливо дотронулся до ее плеча. Девушка вздрогнула от его прикосновения и, отшатнувшись, с упреком посмотрела на него сквозь слезы. Фрэнсис пожал плечами, как бы говоря, что отказывается понимать столь необъяснимую смену настроений, и снова повернулся было к лодке, но незнакомка остановила его.

— Вы... — начала она, запнулась и тяжело вздохнула, — вы могли бы хоть поцеловать меня на прощание.

И девушка порывисто бросилась к нему, раскрыв объятия, но все еще продолжая держать в правой руке столь не подходящий к случаю револьвер. Фрэнсис, вконец сбитый с толку, какое-то мгновение стоял

в растерянности, потом обнял ее и был награжден страстным поцелуем в губы, повергшим его в полное изумление; а незнакомка уронила голову ему на плечо и разразилась потоком слез. У Фрэнсиса в глазах помутилось, однако он все же чувствовал давящую тяжесть револьвера, прижатого к его спине между лопатками. Через некоторое время девушка подняла мокрое от слез лицо и поцеловала Фрэнсиса несколько раз, а он подумал: не подло ли с его стороны отвечать на ее поцелуй с такой же, не менее загадочной страстностью?

И только он успел сказать себе, что в общем ему безразлично, сколько времени продлится эта нежная сцена, как девушка вдруг отшатнулась от него, и лицо ее снова запылало гневом и ненавистью, — угрожающе взмахнув револьвером, она указала ему на лодку.

Пожав плечами и как бы говоря, что он ни в чем не может отказать красивой женщине, Фрэнсис повиновался, сел на весла, лицом к ней, и начал грести от берега.

— Да спасет меня Дева Мария и не даст погибнуть из-за моего слабого сердца! — воскликнула девушка, свободной рукой срывая с шеи медальон. Золотые бусинки посыпались дождем, и медальон полетел в воду, разделявшую ее и Фрэнсиса.

В эту минуту из джунглей выскочили трое мужчин с ружьями и бегом устремились к девушке, которая в изнеможении опустилась на песок. Они стали поднимать ее и тут только заметили Фрэнсиса, который греб теперь изо всех сил. Фрэнсис поспешно оглянулся, чтобы удостовериться, далеко ли еще до «Анджелики», и увидел, что шхуна, слегка накренившись, разрезая носом воду, идет ему навстречу. В эту минуту один из трех мужчин на берегу — тот, что был постарше, с бородой, — выхватил у девушки бинокль и направил его

на Фрэнсиса. А в следующий миг, бросив бинокль, он уже целился в него из ружья.

Пуля шлепнулась в воду на расстоянии какого-нибудь ярда от лодки, но, прежде чем раздался второй выстрел, девушка поспешно вскочила на ноги и ударом снизу выбила ружье из рук старика. Продолжая ожесточенно грести, Фрэнсис увидел, как мужчины, отбежав от девушки, прицелились в него, но она выхватила свой револьвер и, наведя на них, заставила опустить ружья.

«Анджелика», поставленная против ветра, замерла, вспенивая воду, и Фрэнсис ловким прыжком вскочил на палубу; в ту же секунду капитан повернул рулевое колесо, паруса надулись, и шхуна понеслась в море. С мальчишеским озорством Фрэнсис послал на прощание воздушный поцелуй незнакомке, продолжавшей смотреть ему вслед, и увидел, как она, в полном изнеможении, упала на грудь бородатого старика.

— Ну и порох эти проклятые Солано! А гордые до сумасшествия, — заметил Фрэнсису метис-капитан и улыбнулся, сверкнув белыми зубами.

— Бешеные какие-то, настоящие психопаты! — рассмеялся Фрэнсис и, подбежав к борту, послал еще несколько воздушных поцелуев эксцентричной молодой особе.

Благодаря попутному ветру, дувшему с материка, «Анджелика» добралась до рифов, ограждающих вход в лагуну Чирикви, и, сделав еще миль пятьдесят вдоль них, к полуночи подошла к островам Быка и Тельца; тут капитан поставил судно на якорь, решив дождаться рассвета. После завтрака Фрэнсис, прихватив с собой матроса, негра с Ямайки, в качестве гребца, отправился в ялике обследовать остров Быка — более крупный, чем остров Тельца, и населенный в это время

года, по словам шкипера, индейцами, которые перебираются сюда с материка для охоты на черепахах.

Еще не успев подъехать к острову, Фрэнсис понял, что его отделяют от Нью-Йорка не только тридцать градусов широты, но и тридцать столетий, через которые он перемахнул, попав из ультрасовременной цивилизации в обстановку, можно сказать, первобытной дикости. Совсем голые, если не считать лоскутов мешковины на бедрах, вооруженные тяжелыми, необычайно острыми топорами-мачете, охотники на черепахах очень быстро доказали, что они отъявленные попрошайки и не остановятся перед убийством. Остров Быка принадлежит им, объявили они Фрэнсису через переводчика-матроса, который привез его туда, а Телец, прежде тоже принадлежавший им в сезон охоты на черепахах, теперь захватил один бешеный гринго, отчаянный сорвиголова, несговорчивый и властный, сумевший с помощью угроз завоевать их уважение — уважение перед двуногим существом, еще более свирепым, чем они сами.

За серебряный доллар Фрэнсис уговорил одного из индейцев отправиться к таинственному гринго и передать ему, что он хотел бы с ним встретиться. Тем временем остальные окружили ялик, принялись разглядывать Фрэнсиса, клянчить у него деньги и даже бесцеремонно стащили его трубку, которую он на минуту вынул изо рта и положил рядом. Фрэнсис тотчас дал по уху вору, а затем и второму, выхватившему ее у первого, и вернул себе трубку. В один миг вся толпа оцетинилась мачете, угрожающе засверкали на солнце отточенные острия, но Фрэнсис быстро унял пыл индейцев, наведя на них свой пистолет-автомат; они попятились и, сбившись в кучу, принялись зловеще шептаться. Тут Фрэнсис обнаружил, что его единственный спутник и переводчик струсил: подойдя к охотни-

кам на черепах, он заговорил с ними явно заискивающим тоном, очень не понравившимся Фрэнсису. Тем временем вернулся посланный с запиской, и Фрэнсис, поняв, что ему самому придется объясняться с ним, так как на ямайца надежда плохая, взял у него листок, поперек которого карандашом было нацарапано: «Vamos! Пошел ты к черту!»

— Придется мне, как видно, самому к нему ехать, — подозвав к себе негра-матроса, сказал Фрэнсис.

— Будьте как можно осторожнее и осмотрительнее, сэр, — предупредил его негр. — Эти безмозглые скоты на все способны, сэр.

— Садись в лодку и вези меня туда, — кратко приказал Фрэнсис.

— Нет, сэр. Очень сожалею, но нет, сэр, — отвечал чернокожий матрос. — Я нанимался, сэр, к капитану Трефэзену в матросы, но я не нанимался в самоубийцы, и я не поеду с вами, сэр, на верную смерть. Самое лучшее для нас было бы убраться из этого пекла; если же мы останемся, сэр, то нам тут зададут жару — это уж точно.

Возмущенный до глубины души, Фрэнсис смерил матроса презрительным взглядом, сунул в карман пистолет и, повернувшись спиной к полуголым дикарям, зашагал через пальмовую рощу. В том месте, где из земли торчал огромный кусок кораллового рифа, выброшенный некогда землетрясением, он вышел к морю. У берега Тельца, от которого его отделял узкий проливчик, он увидел ялик на приколе. У того же берега, где находился он сам, стояло на приколе выдолбленное из дерева старое и явно дырявое каноэ. Фрэнсис перевернул его, чтобы вылить воду, и тут заметил, что охотники на черепах последовали за ним и, остановившись на опушке пальмовой рощи, наблюдают за

его действиями; однако трусливого матроса среди них не было.

Переехать через проливчик было для Фрэнсиса делом нескольких минут, но на берегу Тельца его ждал не более радушный прием; из-за пальмы вышел высокий молодой человек, босиком, с пистолетом-автоматом в руке, и гаркнул:

— *Vamos!* Убирайтесь вон отсюда! Живо!

— О боги морских глубин со всеми их рыбами и рыбешками! — полушутя, полусерьезно воскликнул Фрэнсис и улыбнулся. — Тут у вас человеку и шагу нельзя ступить, чтоб ему не ткнули пистолетом в физиономию. И все кричат: «Убейся вон, pronto!»¹

— Никто вас не звал сюда, — возразил незнакомец. — Вы явились без спросу. Убирайтесь с моего острова. Даю вам полминуты.

— Знаете ли, приятель, я начинаю злиться, — чистосердечно признался Фрэнсис, в то же время искоса поглядывая на ближайшую пальму и соображая, какое расстояние отделяет его от нее. — Все, кого я здесь ни встречал, какие-то сумасшедшие и к тому же невежи: гонят человека без всякого стеснения. Так что под конец у меня тоже характер испортился. А вот насчет того, будто этот остров ваш, так одни слова еще не являются доказательством...

И, не dokonчив фразы, Фрэнсис метнулся под прикрытые пальмы. Едва он успел забежать за дерево, как в ствол ударились пуля.

— Ах так! — крикнул он и всадил пулю в ствол пальмы, за которой спрятался незнакомец.

Несколько минут продолжалась перестрелка: противники то палили друг в друга, то выжидали, тщательно рассчитывая выстрелы. Наконец Фрэнсис вы-

¹ Живо (*исп.*).

пустил восьмую, и последнюю, пулю и тут без особого удовольствия вспомнил, что насчитал всего семь выстрелов со стороны незнакомца. Тогда он надел на руку свой пробковый шлем и осторожно высунул его из-за пальмы — шлем был тотчас же пробит пулей.

— Какой системы у вас револьвер? — холодно-вежливым тоном осведомился он.

— Кольт, — последовал ответ.

Фрэнсис смело вышел из-за своего укрытия.

— В таком случае вы извели весь свой запас. Я считал выстрелы. Восемь. Теперь мы можем поговорить.

Незнакомец тоже вышел из-за дерева. И Фрэнсис невольно залюбовался его статной фигурой, которую не мог обезобразить даже костюм, состоявший из грязных парусиновых штанов, тельняшки и сомбреро с обвисшими полями. Больше того: Фрэнсису показалось, что он уже где-то видел этого человека, хотя ему и в голову не пришло, что он смотрит на точную копию самого себя.

— Поговорить! — фыркнул незнакомец и, отбросив револьвер, выхватил из-за пояса нож. — Вот сейчас отрежу тебе уши, а потом, может, и скальп сдеру.

— Ишь ты! Какие, однако, милые и добродушные звери водятся в здешних лесах, — в тон ему заговорил Фрэнсис, чувствуя, как в нем нарастают гнев и возмущение. Он тоже выхватил свой охотничий нож, совсем еще новенький и блестящий. — Давай-ка лучше померимся силами без всякой этой поножовщины из дешевого уголовного романа.

— Мне нужны твои уши, — любезно возразил незнакомец и стал медленно наступать на Фрэнсиса.

— Очень хорошо. Кто первый будет положен на обе лопатки, тот и отдаст свои уши победителю.

— Согласен! — Молодой человек в парусиновых штанах спрятал нож.

— Жаль, что здесь нет киноаппарата, чтобы заснять эту сцену, — усмехнулся Фрэнсис, в свою очередь пряча нож. — Я зол, как сто чертей! Как самый злощий индеец! Берегись! Я тебя сейчас любым способом положу на лопатки!

Сказано — сделано, но блестящий натиск Фрэнсиса привел к самым позорным результатам: незнакомец, на первый взгляд, казалось бы, способный выдерживать любой наскок, как только они сшиблись, повалился на спину. Это была хитрость: подняв ногу, он пнул Фрэнсиса в живот, да так, что тот, перекувырнувшись в воздухе, перелетел через него.

От падения Фрэнсис едва не лишился чувств, а тут еще противник набросился на него и так придавил к земле, что чуть дух из него не вышиб. Фрэнсис лежал на спине, не в силах произнести ни слова, как вдруг заметил, что навалившийся на него человек с внезапным любопытством разглядывает его.

— Зачем тебе эти усики? — спросил незнакомец.

— Ладно, не разговаривай, отрезай уши, — проговорил Фрэнсис, как только дыхание вернулось к нему. — Уши твои, а усы мои. Мы насчет них не уговаривались. А вообще ты положил меня на лопатки по всем правилам джиу-джитсу.

— Ты же сам сказал: «Любым способом положу на лопатки», — процитировал со смехом незнакомец. — Так вот: уши можешь оставить себе; я и не собирался отрезать их, а теперь, посмотрев на них поближе, и вовсе не собираюсь: они мне не нужны. Вставай и убирайся отсюда. Я тебя побил. Vamos! И не смей больше появляться здесь и разнохивать! Пошел вон! Живо!

Возмущенный еще больше, чем прежде, и униженный сознанием своего поражения, Фрэнсис вернулся на берег, где стояло его каноэ.

Лондон Дж.

Л 76 Сердца трех : роман / Джек Лондон ; пер. с англ. Т. Кудрявцевой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. — 416 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-07836-9

Приключенческий роман «Сердца трех», созданный в 1915 году на основе киносценария Чарльза Годдарда и опубликованный в 1919 году, американский писатель Джек Лондон считал началом «нового направления» в своем творчестве и предметом своей авторской гордости. Главный герой книги Фрэнсис Морган — сын покойного миллионера и далекий потомок знаменитого пирата XVII века Генри Моргана — отправляется в Панаму на поиски пиратского клада и встречается там другого Генри Моргана — своего дальнего родственника, который вскоре становится его спутником в опасных приключениях и соперником в любви. Путешествие в Кордильеры к сокровищам индейцев племени майя, борьба с коварным Альваресом Торресом и жителями Долины Затерянных Душ, странствия по неведомым землям, стремительные погони, чудесные спасения, остродраматичные любовные коллизии сменяют друг друга с поистине кинематографической скоростью, делая «Сердца трех» в высшей степени увлекательным чтением.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

ДЖЕК ЛОНДОН
СЕРДЦА ТРЕХ

Ответственный редактор Сергей Антонов
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Елена Орлова, Елена Терскова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 10.09.2018. Формат издания 75 × 100^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 18,33. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

12+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, д. 93
www.oaompk.ru, www.oaompk.ru
Тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах
на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

A-AKB-15848-87-R